

И.В. Гречко

Великий Октябрь:
логика истории

*Всем, кто помнит и чтит историю
нашей Родины, чувствует день Великой
Октябрьской Революции, как праздник
Свободы, посвящается...*

Автор выражает искреннюю благодарность В. Ю. Котиву и
И. О. Ефременко за набор и верстку текста.

И.В. Гречко

Великий Октябрь: ЛОГИКА ИСТОРИИ

Октябрьская революция 1917 года в России - это закономерное событие в ее истории, или случайное явление? Что привело к такому мощному революционному взрыву? На эти непростые вопросы даются полностью противоположные ответы в зависимости от политических убеждений авторов. В данном небольшом исследовании предпринята попытка по возможности максимально объективно и непредвзято проанализировать это сложное явление, именуемое Великой Октябрьской революцией.

ВРЕМЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Минуло уже 95 лет с тех пор, как Великая Октябрьская революция потрясла не только Россию, но и весь мир. Сегодня в официальных источниках можно прочесть и услышать только крайне негативную оценку этого исторического явления. Революцию упорно продолжают называть переворотом и причиной всех бед, как для нашей страны, так и для мира в целом. Новые теоретики, особенно ортодоксальные антимарксисты (почти целиком состоящие из вчерашних марксистов, и также ортодоксальных), убеждают нас в том, что это был необязательный и нелогичный зигзаг истории России, уведший ее от столбовой дороги общественного развития.

Однако, если отойти от политической конъюнктуры (которой грешат многие историки) и посмотреть объективно и непредвзято на ход исторических событий, то можно с уверенностью утверждать, что к мощным социальным взрывам 1917 года Россию привели те глубокие социально-экономические и общественно-политические противоречия, которые накапливались еще с начала XIX века. И эти противоречия еще более усугубила и обострила Первая мировая война.

Попытаемся бросить ретроспективный взгляд на нашу историю. И начнём анализировать исторические события и факты с первой половины XIX века, когда Россия одержала блистательную победу над Наполеоном. Победоносная война с Наполеоном, в которой русский народ показал военную доблесть, невиданную силу и стойкость духа, пробудила в лучших умах России уверенность в том, что такой народ достоин получить в награду свободу, а именно: свободу от крепостного рабства. Прошагав по Европе до самого Парижа и освободив Европу от наполеоновского ига, русский воин увидел, как живет Европа после буржуазных революций, где нет феодальной зависимости крестьян от своих сеньоров, где постепенно внедрялись политические права и свободы с элементами буржуазного парламентаризма. Именно передовое офицерство, герои войны 1812 года, выходцы из самых блестящих фамилий и дворянских родов стали основателями тайных обществ, ставивших своей целью освобождение народа от крепостного рабства. Эти тайные общества и кружки оформились затем в декабристское движение.

Принято считать, что после победоносной войны над Наполеоном Россия стала самым влиятельным государством Европы. Но несмотря на это, Россия внутренне слабела. По меткому выражению русского философа Н. Бердяева, к началу XIX века Россия превратилась в огромное необъятное мужицкое царство с закрепощенным народом, с царем наверху, окруженным бюрократией и тонким слоем передовой дворянской интеллигенции [4, с. 15]. Россия «проморгала» промышленную революцию, начавшуюся в Англии в XVIII веке, и, сохраняя крепостное право, все более отставала в своем социально-экономическом и политическом развитии от европейских стран.

Таким образом, феодально-крепостнические отношения стали мощным

препятствием для первоначального накопления капитала, что придавало медленный и мучительный характер развитию капитализма в России. И всё же новое постепенно пробивало себе дорогу, незаметно и подспудно шёл процесс разложения феодально-крепостнической системы, кризис которой стал явно ощущаться уже после войны 1812 года. И общественно-политическим выражением этого кризиса стало восстание декабристов 14 декабря 1825 года.

Восстание декабристов закончилось трагедией Сенатской площади, казнью и 30-летней ссылкой самых честных и благородных людей России. Бессмысленная жестокость самодержавия!

Восстание декабристов подавлено новым императором Николаем I с невиданной жестокостью. Наступил тяжелый 30-летний период реакции. Все сколько-нибудь свободное и оригинальное душилось, загонялось вглубь. Открытая борьба невозможна. Годы правления Николая I (1825-1855 гг.) - это годы, когда были загублены такие талантливые, гениальные люди как А.С.Грибоедов, А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Т.Г.Шевченко. Философ П.Я.Чаадаев объявлен сумасшедшим только лишь за попытку дать объективный анализ истории России. Известно циничное изречение царя Николая I: «Россия молчит, значит благоденствует». Жесткий порядок, незыблемая власть.

И «вдруг», через 40 лет после победы над самим Наполеоном, - постыдное, позорное поражение России в Крымской войне 1853-1856 гг. Именно поражение в Крымской войне наглядно показало гибельность отставания России от стран Европы как в военно-экономическом, так и в политическом отношении. И это несмотря на чудеса храбрости русских солдат и офицеров при обороне Севастополя.

Так в 1859-1861 гг. еще более явно обозначился второй кризис самодержавно-крепостнического строя.

Зададимся вопросом: так что же произошло с Россией за эти 30-40 лет после восстания декабристов? Дело в том, что в Европе, несмотря на все потрясения революции 1848 года, успешно набирал силу капитализм, предпринимательство, формировалось третье сословие, так называемый «средний класс», менялась политическая система - уже прорисовывались контуры будущей буржуазной демократии. В России же, абсолютная власть, напуганная восстанием декабристов, «удерживала ситуацию» под контролем. Ситуацию удержала, а страну законсервировала и, можно сказать, погубила. Именно в эти годы был упущен шанс провести либеральные реформы, расковать собственный народ и наконец-то позволить ему заработать в полную силу ума и таланта. Опоздание (на 30-40 лет) непомерно дорого обошлось России.

Почему же императоры России, ни Александр I, победитель Наполеона, ни Николай I не провели так нужных России реформ? Ведь они не могли не понимать их необходимость! И даже (особенно Александр I) предпринимали некоторые шаги в этом направлении. Так, Александр I в глубочайшей тайне, вдалеке от столицы, в Варшаве, до 1818 года готовил

свои проекты освобождения крестьян и дарования Конституции России. «Государственная Уставная Грамота Российской империи» - так назывался проект Основного Закона, разработанный под руководством французского правоведа Дюше. «Да будет российский народ отныне иметь народное представительство», - так гласила 91 статья этого проекта. «Народное представительство» - Дума должна была состоять из двух палат: верхней - Сената и нижней - Посольской. По этому проекту Россия преобразовывалась в федеративное государство.

Почему же всем этим планам не суждено было осуществиться? Да потому, что всемогущий страх сковывал инициативу самодержца и сводил на нет все попытки реформ. Страх перед могущественным консервативным классом землевладельцев-помещиков, которые не желали никаких перемен. Страх перед реакционным бюрократическим окружением. И только единицы, такие светлые умы как статс-секретарь Александра I М.Сперанский, министр госимущества при Николае I П.Киселёв, военный министр при Александре II Д.Милютин, поддерживали начинания самодержца. Но это были единицы, и реакционные силы добивались их отставки [15, с.123].

И лишь когда кризис феодально-крепостнической системы стал особенно ошутим после поражения России в Крымской войне, Александр II решился, наконец, на отмену крепостного права (февраль 1861 г.). Однако, несмотря на целый ряд прогрессивных реформ (Земская - 1864 г., Судебная - 1862 г., Военная - 1874 г.) - они не были доведены до логического конца. Оставались два главных пережитка прошлого - помещичье землевладение (царь так и не решился ограничить интересы помещиков-дворян) и, что самое важное - реформы не затронули политического устройства России. Россия оставалась абсолютной монархией, где самодержец решал все.

Хотя ради исторической правды следует признать, что Александр II вплоть до своей трагической гибели предпринимал некоторые вялые попытки, очень осторожно, с оглядкой назад, «реформировать» (если этот термин подходит) политическое устройство России. Исследователи отмечают три попытки так называемого «правительственного конституционализма». Так, Александр II последовательно поручает графу П. Валуеву (1863 г.) и Великому князю Константину (1866 г.), затем графу П. Шувалову (1874 г.) и, наконец, генералу М.Т. Лорис-Меликову (1880 г.) разработать проект создания некоего выборного представительного органа при царе с совещательными функциями. С каждым новым проектом он становился все более умеренным и консервативным. Так, проект Лорис-Меликова являлся самым ограниченным и представлял собой трижды ухудшенный вариант по сравнению с проектом П. Валуева 1863 года

Но и этим робким начинаниям не суждено было осуществиться. Александр II все же не был внутренне готов к глубоким реформам и считал Конституцию бесполезной для России. В беседе с лидером Московского дворянства П. Голохвастовым в сентябре 1865 года царь заявил: «Я даю тебе слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно Конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю,

что сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски» [7, с.286].

Такая незаконченность и половинчатость реформ, отсутствие элементарных политических прав и свобод, способствовали быстрому формированию радикальных и даже экстремистских течений и организаций, активно использовавших в революционной практике индивидуальный террор.

С фанатичным упорством народовольцы устраивали покушения на Александра II (пять покушений). Шестое – 1 марта 1881года – закончилось смертельным ранением и гибелью царя от бомбы, брошенной народовольцем И. Гриневицким.

После убийства Александра II на престол взошёл его сын – Александр III. Учитель и наставник нового царя - К.Победоносцев (не менее фанатичный сторонник абсолютной власти самодержца) с яростью торпедировал все конституционные попытки. Продолжился откат от реформ и начался период контрреформ.

Таким образом, самодержавие упустило уникальный шанс направить страну по буржуазно-демократическому пути. Возможность «революции сверху» исчезла, а слово «конституция» стало чуть ли не ругательным словом.

И даже такие видные реформаторы как С.Витте* и П.Столыпин*, которые не отличались гуманистическими взглядами, но своими личностными качествами полностью отвечали задачам времени - модернизировать страну и спасти режим, не находили никакой поддержки у власти. Их дни оказались сочтены. Ведь чтобы спасти режим, правящему классу необходимо было пойти на некоторое самоограничение, что оказалось невозможным: реформаторов отправляли в отставку, или их убивали.* Система пожирала своих реформаторов, что еще более усугубляло все противоречия и неизбежно вело к социальному взрыву [15, с.125].

Таким образом, «крепостнический абсолютизм» так и не смог пожертвовать своими собственными эгоистическими интересами, равно как и интересами дворянства во имя подлинной цивилизации.

*С.Ю. Витте - министр путей сообщения и финансов, председатель кабинета министров при Николае II. Вышел в отставку в апреле 1906 года.

*П.А. Столыпин – председатель Совета министров при Николае II.1 сентября 1911года в Киеве смертельно ранен агентом охранного отделения Д. Богровым.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЗРЫВ

К началу XX века судьба России оказалась, может быть, на самом сложном перепутье. Это был один из труднейших периодов в ее истории. Отмена крепостного права и сопутствующие ей реформы вызвали к жизни такие общественные силы, которые были в принципе несовместимы с сохранением самодержавия. С тех пор две тенденции все яростнее и напряженнее вели борьбу между собой: тенденция перемен, то есть более или менее быстрого буржуазно-демократического развития, и тенденция стабильности и консерватизма, то есть удержания и упрочения царизма. И от исхода этой борьбы, этой не прекращавшейся конфронтации зависело будущее страны.

Пик этой борьбы пришелся на начало XX века, когда мощный натиск революционно-демократических сил и крепнувшая либеральная оппозиция буквально предъявляли требования царизму.

Когда же разразилась гроза первой революции 1905 - 1906 гг., Николай II, последний российский самодержец, вынужден был отступить. Самодержавие оказалось поколебленным. С провозглашением Манифеста 17 октября 1905 года, с учреждением Государственной Думы (наконец-то, в 1906 году!), созданием политических партий и независимой прессы самодержавие в своем первоначальном виде перестало существовать. Возникло то, что можно было бы назвать полусамодержавием, конституционным самодержавием. Это было, по выражению Ленина, нечто среднее, переходное между самодержавием и конституционной монархией [1, с.305-306]. Однако создание таких демократических институтов власти не помешали самодержцу Николаю II разогнать и Первую и Вторую Государственную Думу как не понравившиеся ему по политическому составу.

Но только революционная гроза прошла и кризис миновал, отсидевшаяся реакция снова пошла в наступление. В идеале правящая верхушка хотела бы возродить самодержавие в том неприкосновенном виде, в каком Николай II получил ее от своих предков, но исторически столь глубокое попятное движение было уже невозможно. Как утверждал известный историк Генрих Иоффе, медленно, мучительно, преодолевая огромные феодально-крепостнические завалы, обновляющаяся Россия все-таки шла вперед по пути буржуазного прогресса. Но тут она попала в водоворот всемирного военного конфликта [10, с.89].

Именно во время Первой мировой войны новый глубокий кризис потряс уже поколебленный режим. Ведь война - это всегда испытание, испытание прочности и устойчивости экономической и политической системы страны, сплоченности ее социальных классов и групп перед лицом общего врага, испытание силы единения власти с народом, умения власти быстро и оперативно решать насущные вопросы военного времени. Приходится с сожалением констатировать, что таких испытаний и тягот военного времени не выдержали ни экономика России, ни транспортная инфраструктура, ни отсталая социально - политическая система.

На этот тревожный факт указывают в своих воспоминаниях, мемуарах, исследованиях все без исключения участники и очевидцы тех трагических событий: и последний царский министр внутренних дел А.Протопопов, и председатель Государственной Думы М.Родзянко, и видный государственный деятель В. Шульгин - все они рисуют тяжелую мрачную картину положения дел в России. «Хаос», «разруха», «катастрофа» «предательство» - такие взволнованные слова звучат со страниц их воспоминаний [21, 23]. Уже 6 декабря 1914 года генерал Янушевич в телеграмме военному министру В. Сухомлинову в отчаянии сообщал: «Много людей без сапог отмораживают ноги. Без полушубков или телогреек начинают сильно простужаться. В результате там, где перебиты офицеры, начались массовые сдачи в плен, иногда по инициативе прапорщиков. Чего нам дохнуть голодными и холодными, без сапог; артиллерия молчит, а нас бьют, как куропаток» [24,с.5].

О трагедии русских армий, замерзающих и умирающих на фронтах, свидетельствуют и письма с фронта [5, с. 29-47]. Вот выдержки из письма солдата Андрея Иванова своему брату: «В окопах сыро и грязно, спим хуже свиней на голой земле прямо в одежде. А бельё тоже грязное, как у угольщиков или трубочистов. В баню солдат редко водят. Вшей и блох столько развелось, что и не перечесть. Эта вшивая пехота с блошиной кавалерией хуже вражеской замучила русского солдата. Эти паразиты сосут из него кровь немилосердно...А крови в нём и без того маловато, так как кормить стали хуже...» [5, с. 36].

Находившийся в это тяжёлое время в Петрограде прославленный российский певец Фёдор Шаляпин в своей исповедальной книге «Маска и душа» так описывает тот трагический период: «Стало слышно, что не хватает снарядов и что несчастной армии, солдатам и офицерам приходится иногда встречать наступающего врага открытой грудью в прямом и самом трагическом смысле этого слова... Из бесед с солдатами я вынес грустное убеждение, что люди эти не знают, за что, собственно, сражаются». [22,с.211-213].*

Слабость российской промышленности не позволяла ей удовлетворять нужды действующей армии, несмотря даже на очень высокую степень ее милитаризации (70,5%). Самым негативным образом на обеспечение нужд армии, оборонной промышленности и всей страны в целом сказалась неразвитость транспортной инфраструктуры, особенно железных дорог. Это наглядно проявилось в крайне низком уровне военно-технического обеспечения действующей армии, как в качественном, так и в количественном отношении. Исследователи отмечают, что к началу 1917

*А.Иванов в письме матери (письмо датировано 8 августа 1915г.) сообщал: «Видно, конца не предвидится этой пагубной войне. Сколько пролито крови и слёз, наверно, целое море. А нашим правителям не жалко...И за что солдату класть свою голову? Разве за то, что буржуи набивают свои карманы, офицеры издеваются над солдатами, а другие, вроде полковника Мясоедова, изменяют...А военный министр генерал Сухомлинов заступался за шпиона... Все они наши заклятые враги.»[5, с. 41].

года развал железнодорожного транспорта стал жестокой реальностью, из-за чего подвоз продовольствия в Петроград, Москву и другие промышленные центры страны осуществлялся с перебоями.

Не вынесла испытаний военного времени и сложная сословно-классовая до конца не сформировавшаяся социальная структура России, отягощенная наличием 150-ти различных народов и народностей.. В социальном отношении Россия являла собой типичный пример межформационного общества: крестьяне, дворяне, мещане, нарождающаяся буржуазия, рабочий класс, служащие, интеллигенция; в промежуточном сословно-классовом состоянии (полукрестьяне-полурабочие, полудворяне-полубуржуазия, маргинальные слои социального дна) оказалась значительная часть населения.

Сложное, разноречивое российское общество, образно говоря, держалось на двух китах: централизованной военно-бюрократической государственной машине царского самодержавия и на традиционной привычке «миллионов верноподданных» повиноваться высшим властям.

Следует особо отметить, что во время войны эти традиционные устои российского общества оказались сильно поколебленными и революционное движение в России резко усиливается. Особенно активизируется либеральный лагерь, политическим штабом которого стал сформированный в Думе «Прогрессивный блок», возглавляемый партией либеральной буржуазии - конституционными демократами, т.н. кадетами. Либеральная оппозиция выдвигала требования сформировать из авторитетных и компетентных лиц «министерство доверия», ответственного не перед царем, а перед Думой. Однако эти требования либералов повисали в воздухе и оставались без ответа.

Возникает закономерный вопрос: но ведь и другие воевавшие страны испытывали огромную напряженность. Почему же именно в России, раньше, чем где-либо произошел социальный взрыв такой силы, который буквально смёл режим, существовавший века? Только ли особая острота социально - классовых противоречий привела к этому? Только ли тяготы войны и материальная нужда толкнули народ - рабочих и солдат Петрограда на улицы и площади? Да, конечно, и это - прежде всего.

И все-таки история знает примеры, когда «государственные скрепы» выдерживали, может быть, не меньшие перегрузки, но власть всё же находила в себе силы сохранить страну и удерживаться самой. Значит, в России существовал еще какой-то фактор, который наряду с другими факторами - экономическими и социальными сыграл, не менее роковую роль в судьбе существующего режима. И этим фактором являлся архаизм, рутинность и бюрократизм государственной машины. Война еще более обнажила всю архаичность, неповоротливость и крайнюю бюрократизацию всех ступеней государственного аппарата: власть показала полную неспособность оперативно решать важнейшие проблемы, навалившиеся в годы войны. Это и привело к глубокому кризису власти и катастрофическому падению ее престижа.

Итак, кризис власти. Пожалуй, ни в одной воюющей стране власть не была так дискредитирована, так неуважаема, так отчуждена от общественности, от низов, как в то время в России. Наверное, ни один царь в истории России не подвергался такому поношению, как Николай II. Самые скверные анекдоты о «Николашке», похождениях Распутина при его дворе стали признаком времени. За все поражения, страдания, трудности, нехватки вину вину вину только власть.

Впоследствии, в годы «белой эмиграции», монархически настроенные историки и мемуаристы утверждали, что это было следствием злонамеренной пропаганды революционеров и либеральной оппозиции, стремившихся любыми средствами скомпрометировать режим последних Романовых. Думается, однако, никакая, даже самая изощренная пропаганда не в состоянии была вызвать столь катастрофическое падение престижа власти, если бы она сама, эта власть, не способствовала этому.

Прогрессивные, творческие силы общества по-прежнему были отсечены, отстранены от принятия государственных решений по главным вопросам жизни страны. На «высшем уровне» царская бюрократия по-прежнему правила бал. И даже на требования думской либеральной оппозиции сформировать «министерство доверия», ответственного не перед царем, а перед Думой (в таком случае «конституционное самодержавие» превратилось бы в конституционную монархию, что позволило бы более профессионально и оперативно решать насущные проблемы) власть в лице самодержца Николая II никак не реагировала.

Надежду на победу в войне связывали оба конфронтующих лагеря: и либеральная оппозиция, и правые, поддерживающие власть. Если либералы рассчитывали, что победа, одержанная в союзе с «западными демократиями», будет способствовать «демократической модернизации» России, то консерваторы-реакционеры из правого лагеря лелеяли мечту об укреплении самодержавия на волне победного шовинизма.

Но какова в таком случае была линия власти в лице царя? Следует признать, что последний российский самодержец Николай II - фигура исключительно трагическая. Это был далеко не глупый, интеллигентный, сдержанный и глубоко религиозный человек, свято веровавший в то, что все в «руце божьей». Искренне веря в мистический смысл царской власти, он с молоком матери впитал убеждение, что самодержавие как форма правления органически присуще России и ее народу, а конец самодержавия есть конец России. Выражаясь словами Н. Бердяева, «он нёс тяжкое бремя власти». По складу натуры и по мироощущению это был консерватор. Все изменения и новации в политической и социальной областях он принимал с большой неохотой и часто лишь под напором обстоятельств. Император так и не осознал до самого своего падения, сколь глубока та бездна, на краю которой стояла многие годы Россия царей [9, с.105]. Таким образом, миропонимание царя совершенно не соответствовало вызовам нового времени.

А между тем, его царствование совпало с труднейшим периодом в истории России, когда ее судьба оказалась, может быть, на самом сложном

перепутье. Согласись царь на ответственное перед Думой правительство, и «конституционное самодержавие» само собой превратилось бы в конституционную монархию, в которой монарх лишь царствовал бы, но не управлял. Таким образом, царский режим и лично Николай II почти непрерывно испытывали давление с двух разных сторон: слева настойчиво давила либеральная, думская оппозиция, толкая к конституционной монархии, а консервативные, реакционные силы разгневанно требовали укрепления самодержавного строя. В результате верховная власть в лице царя оказалась перед нелегкой исторической альтернативой: демократизировать или не уступать? Изменять или сохранять в неприкосновенности царский режим?

Политическая ситуация и условия борьбы продиктовали Николаю II политику маневрирования, лавирования: он не решался на диктатуру, но в то же время отвергал идею «ответственного» перед Думой правительства.

Не идя на серьезные уступки либеральной оппозиции, упрямо защищая свои позиции, царизм, во-первых, создавал условия для революционного взрыва, а во-вторых, расшатывал позиции либералов, стремившихся предотвратить революцию в надежде на уступки царя.

Напрасно лидер Земского союза князь Г.Е.Львов взывал к царю: «Ваше императорское величество... Обновите власть. Возложите тяжкое бремя ее на лиц, сильных доверием страны. Восстановите работу представителей народных...» И Царь не ответил [10, с.96]. Напрасно лидер думской либеральной оппозиции кадет П.Миллюков в своей знаменитой речи 1 ноября 1916 года с трибуны Государственной Думы патетически восклицал: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются явочные формы 1905 года. Этот могучий поток мы хотим ввести в законное русло... Но время не ждет. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет гром...» [18, с.37].

Однако на царских бюрократах словесные угрозы либералов оказывали противоположное воздействие.

Столкнувшись с упорством царя, к началу 1917 года, либеральная оппозиция почувствовала полное бессилие изменить ход событий и оказалась, по словам П.Миллюкова «утомленная в бесплодной борьбе» с правительством.

Как отмечал в своих воспоминаниях Ф.И.Шаляпин, «Для успешного ведения трудной войны необходимо было «единение царя с народом», как тогда говорили. Дума билась изо всех сил, чтобы это единение наладить. А где-то в высших сферах тёмные интриги близоруких царедворцев пропасть между царём и народом всё больше углубляли... В городе стали говорить, что война неудачна потому, что при дворе завелась измена. Говорили, что царица-немка сносится с Вильгельмом II «по прямому проводу» и выдаёт ему государственные тайны» [22, с.215-216].

Несговорчивость монарха и непримиримость закоренелых монархистов свидетельствовали о нежелании и неспособности властей воспринять новые

цивилизованные формы и методы руководства государством. Это еще более накаляло обстановку в стране: народ, измученный почти трехлетней кровопролитной войной, все более политизировался и радикализировался. [12, с. 107-108].

Вместо обещанной царизмом быстрой и скорой победы до Рождественских праздников 1914 года, реальностью стали: катастрофа двух русских армий в Восточной Пруссии, потеря 20 западных губерний, 3 миллиона убитых и пропавших безвести, 3 миллиона пленных, 1,5 миллиона дезертиров. Основа основ царского режима- 40-тысячная гвардия, 75-тысячный офицерский корпус, 5 миллионов запасных - к началу 1917 года все они практически были перемолоты на германском фронте. [16, с.62-63].

Поэтому солдатское восстание 28 февраля 1917 года 400-тысячного столичного гарнизона оказалось решающим фактором победы Февральской революции. «Нельзя даже сказать.- утверждал Н.Бердяев,- что Февральская революция свергла монархию... монархия в России сама пала, её никто не защищал, она не имела сторонников» [4, с.109].

По образному выражению английского советолога Эдварда Карра, войне 1914 года было суждено стать той почвой, на которой взошли семена революции: российский общественный организм не выдержал штормовых нагрузок военных лет и пришел в полное расстройство [6, с.71].

...Не все русские люди были слепы в канун катастрофы. Еще в феврале 1914 г. Бывший министр П.Дурново подал царю записку. Он предупреждал, что Россия не должна ввязываться в войну, иначе начнется социальная революция в самых крайних ее проявлениях. Ведь народные массы у нас «исповедуют принципы бессознательного социализма»: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В стране начнутся революционные выступления. Они сразу же выдвинут социалистические лозунги. Побежденная армия окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Оппозиционно-интеллигентские партии не в силах будут сдержать расходившиеся народные волны. А затем? Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов» [26, с.6].

Но царь с пренебрежением прочитал «сценарий» П.Дурново, по которому в точности и была потом поставлена трагедия русской истории.

ФЕНОМЕН ДВОЕВЛАСТИЯ.

Следующий акт трагического сценария нашей истории - период от Февраля к Октябрю 1917 года.

Следует признать очевидным, что Россия раньше других воюющих стран именно из-за своей отсталости и незавершенности буржуазных реформ вошла в фазу катастрофы: гигантская громада корабля самодержавной империи завалилась, а затем пошла ко дну уже на третьем году войны: не выдержали штормовых нагрузок военных лет ни многоукладная экономика, ни архаическое политическое устройство, ни пестрая мозаичная социальная структура России, отягощенная национальными проблемами. Как утверждал основоположник русской социологии Питирим Сорокин, «Падение режима - обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима» [8, с.37].

Более того, Февральская революция в России совершилась не в результате целенаправленной подготовки какой-либо одной или ряда политических партий. Она явилась мощным социальным взрывом недовольства трудящихся масс, доведенных до отчаяния лишениями и тяготами империалистической войны. Крах романовского самодержавия стал, можно сказать, неожиданным и для победителей, и для побежденных. Даже у В.И.Ленина в условиях однообразия эмигрантской жизни и невозможности активно действовать угасал революционный оптимизм. Выступая перед швейцарской аудиторией в январе 1917 года, он с сомнением сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [2, с.328].

И если в советской историографии стихийный элемент в Февральской революции усиленно замалчивался, то на современном этапе ученые стали признавать его и даже придавать ему определённую роль [17, с.22-23]. Эта стихийность порождалась небывалым в истории России размахом народных выступлений, особенно в Петрограде. Здесь события принимали сразу же исключительно массовый характер и революционные партии не поспевали подчас за их развитием: сил политических партий оказывалось недостаточно, чтобы охватить своим влиянием (особенно организационным) все движение, идущее снизу. Такая стихийность, с одной стороны, придавала революционному движению устойчивость и массовость, с другой стороны - снижала и усредняла политический уровень участников этого движения, размывала различия между платформами политических и революционных партий.

В нашу задачу не входит протокольное изложение исторических событий и фактов в революционном Петрограде с 23 по 28 февраля 1917 года. Ограничимся лишь выводом о том, что в конечном итоге уровень стихийности в событиях повышался, (взятие и разгром тюрьмы «Кресты» в Петрограде, погромы судов, полицейских отделений, винных

погребов, поджоги архивов царской охранки) а уровень организованности падал: на первое место под непосредственным влиянием уличных выступлений выходил эмоциональный фактор.

Такой размах стихийности и эмоциональности можно объяснить следующими причинами. После многовекового деспотического гнета самодержавия, всех жестоких притеснений, тягот и несправедливостей, которые претерпел народ (и не только народ, но и интеллигенция, когда все оппозиционное инакомыслие душилось, загонялось вглубь), наступил момент свободы, и Россию захлестнул митинговый демократизм. И этот митинговый демократизм, это опьянение свободой весенним половодьем хлынул на улицы и площади Петрограда и других городов и сел необъятной Российской империи. Определённую роль в погромах сыграли подстрекательства политических провокаторов и явно уголовных элементов, выпущенных на свободу по амнистии наряду с политическими заключёнными.

Как вспоминала Н.К.Крупская, улицы Петрограда тогда «представляли интересное зрелище: везде собирались кучками, везде...шли горячие споры... Вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры ... В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... в три часа: Милюков, большевики... в пять часов - всё то же, политика, митингование» [20, с.286].

На волне этой всеобщей эйфории 2 марта 1917 года к власти в Петрограде приходит Временное правительство во главе с князем Г.Львовым. Власть у Временного правительства оказалась в результате добровольного соглашения между Временным комитетом Государственной Думы и Исполнительным Комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, большинство в котором принадлежало умеренным социалистическим партиям – меньшевикам и эсерам.

Но почему же Петроградский Совет не взял всю полноту власти на себя и не сформировал своё, Советское правительство, а передал власть Временному буржуазному правительству?

Дело в том, что, как уже говорилось, революция пробудила к сознательной политической жизни ранее спавшие многомиллионные массы трудящихся, разобраться которым в пёстрой мозаике политических событий было очень непросто. Наблюдалась всеобщая эйфория всеобщей победы, стремление к объединению усилий всех социалистических партий. Это стремление к объединению особенно сильно проявлялось в низах, где простые рабочие (наиболее передовые, сознательные рабочие были мобилизованы на фронт и на их место приходили выходцы из сел) не совсем четко разбирались в платформах меньшевиков и большевиков.

А лидеры меньшевиков оказались в решающий момент в решающем месте: располагая большим количеством интеллигентских сил и грамотных, образованных людей, обладая хорошим красноречием, они успешно агитировали за свою платформу умеренных социальных преобразований. Кроме того, меньшевики как наиболее лояльные к режиму во время войны, сумели сохранить все свои организации и органы печати; позиции

меньшевиков также были довольно сильны в легальных рабочих организациях - профсоюзах, кооперативах, больничных кассах и т.д.

Что касается эсеров (социалистов-революционеров), то они издавна были окружены ореолом славы эсеровских боевиков и террористов революции 1905 - 1907 годов (вспомним резонансные теракты этого периода).

Таким образом, весной 1917 года народные массы повсеместно поддерживали представителей социалистических партий: социал-демократов - меньшевиков и социалистов-революционеров – эсеров. В итоге меньшевики и эсеры оказались в подавляющем большинстве в Советах рабочих и солдатских депутатов, а их лидеры - правые меньшевики И.Церетели, М.Скобелев, Н.Чхеидзе - во главе Петроградского Совета.

Умеренные революционные партии и их лидеры считали, что революционные демократы, как они сами себя называли, не в силах образовать собственное правительство: Советы, по их мнению, - это «временные бараки», и поэтому создание Советского правительства будет нарушением естественного хода истории. Их идеал - буржуазное правительство, которому и была передана вся полнота власти в Петрограде. Приводим первый состав Временного правительства:

Князь Г.Е.Львов - представитель совета министров и министр внутренних дел;

П.Н. Милюков (кадет) - министр иностранных дел;

А.И. Гучков (октябрист) - военный и морской министр;

Н.В. Некрасов (кадет) - министр путей сообщения;

А.И. Коновалов (прогрессист) - министр торговли и промышленности;

М.И. Терещенко (близок к кадетам) - министр финансов;

А.А. Мануйлов (кадет) - министр просвещения;

А.И. Шингарев (кадет) - министр земледелия;

В.Н. Львов (центрист) - обер-прокурор Синода;

И.В. Годнев (октябрист) – государственный контролер;

А.Ф. Керенский (трудовик, впоследствии эсер) - министр юстиции.

[5, с.129].

Как видим, Временное правительство состояло в основном из представителей партии либеральной буржуазии – конституционных демократов – (кадетов). Этому правительству и была добровольно передана власть эсеро-меньшевистским руководством Петроградского Совета.

Таким образом, волей истории кадеты оказались вознесёнными на вершину власти. Вскормленные на критике самодержавия, новые министры были просто ошеломлены той скоростью и легкостью, с какими на них свалилась власть и ответственность за судьбы разоренной державы. Ведь идеал кадетов - конституционная монархия, и они готовились к длительному торгу с царизмом. Поэтому конституционные демократы были так обескуражены столь молниеносным падением царизма и свалившейся на них властью.

Кстати, вопрос о республике был внесен в программу кадетов уже

задним числом. Можно сказать, что Февраль застал кадетов врасплох.

Следует также признать, что власть, которую получило в эти дни Временное правительство, являлась чисто номинальной: Временное правительство не имело главного признака реальной государственной власти - вооруженной силы. Сначала Петроградский гарнизон, а затем и все тыловые гарнизоны и части действующей армии заявили о переходе на сторону Петроградского и других Советов рабочих и солдатских депутатов. Советы рабочих, солдатских, а затем и крестьянских депутатов с поразительной быстротой густой сетью покрыли Россию; они энергично забирали в свои руки власть на местах. Советы сформировались в многоуровневую централизованную организацию, включающую в себя Всероссийский съезд, Центральный Исполнительный Комитет, областные, губернские, городские, районные и другие низовые Советы. Именно Советы располагали важнейшими элементами реальной власти - военной силой, контролем за железными дорогами, почтой, телеграфом. Однако в Советах преобладали представители эсеро-меньшевистских партий и возглавлялись они в большинстве своем представителями этих партий. Так, председателям Петроградского Совета являлся меньшевик Н. Чхеидзе.

Таким образом, возникло уникальное явление в истории - так называемое двоевластие: Центральное Временное правительство (власть без силы) и Советы рабочих и солдатских депутатов, которые создавались повсеместно (сила без власти). И если в первые недели после Февральской революции отношения между двумя властями носили характер противостояния, то далее это противостояние все более заменялось сотрудничеством и Советы все более поддерживали основные мероприятия Временного правительства. С мая 1917 года, и это следует особо подчеркнуть, в состав Временного правительства вошли представители партий эсеров и меньшевиков - В.Чернов, И.Церетели, М.Скобелев, а за период от февраля к октябрю 1917 года его состав неоднократно изменялся.

Падение самодержавия обнажило всю глубину социально-политических противоречий в России и породило небывалый взлет ожиданий и стремлений рабочих, солдат и крестьян многонациональной страны к немедленному удовлетворению своих требований. Эти чаяния, стремления и надежды на скорейшее разрешение наболевших проблем были обусловлены крайней нищетой, отсталостью, тяжким гнетом самодержавия, военной разрухой и тяготами войны. Такие повышенные ожидания, такое революционное нетерпение сразу приобрело, как признал впоследствии правый эсер В. Чернов, максималистический характер, то есть стремление снять все проблемы сразу.

По его мнению, именно в феврале 1917 года революция сошла с рельс: социальный взрыв оказался неуправляемым и сразу приобрел максималистическую доминанту.

А какова же была позиция Временного правительства в этой непростой ситуации? Имело ли оно политическую волю, силы и возможности для

разрешения животрепещущих проблем страны? А именно: прекратить войну, дать мир измученному народу и разрешить аграрный вопрос. Ведь Февраль принес с собой еще одну проблему, сопутствующую революциям всех времен: кто и как вернет уличную людскую стихию к станкам и в казармы, на пашню и в конторы, за торговые прилавки и к дворницким метлам? Кто вернет возбужденные массы к их повседневным делам?

Приходится с сожалением констатировать, что такой политической воли и решимости у либерально-демократического Временного правительства не нашлось, оно в сущности продолжало проводить прежнюю крайне непопулярную и даже губительную политику: не отказалось от участия в мировой войне (более того, министр иностранных дел кадет П. Милюков в апреле 1917 года заявил, что Россия будет вести войну до победного конца, а в июне 1917 года было предпринято наступление на фронте, закончившееся провалом) и даже не продекларировало, не поставило на обсуждение многострадальный аграрный вопрос.

Слабое и колеблющееся Временное правительство не хотело (и отчасти не могло) удовлетворить даже вполне разрешимые правовым путем животрепещущие социальные вопросы. Как затем признавался в своих «Очерках русской смуты» А.Деникин, должность правительственных комиссаров с первых же дней стала пустым местом, они не имели ни силы, ни авторитета. Инструкции и распоряжения правительства носили лишь академический характер, так как жизнь шла своим путем. А правый эсер В. Чернов утверждал, что лидеры кадетов, возглавляя свое, мечтательное, кабинетное движение, были оторваны от реальной жизни и проводили страусиную политику.

В чем же причины бездействия кадетов, меньшевиков и эсеров? Нерешительность либерально-буржуазных партий (кадетов) понятна - власть свалилась на их плечи неожиданно: за всю короткую историю своего существования в абсолютистской России (с 1905 года) конституционные демократы совершенно не готовились к взятию власти. Поэтому они так и не смогли взять на себя всю полноту власти и распорядиться ею, используя уникальный исторический шанс.

Но вот преступная нерешительность умеренных социалистических партий меньшевиков и эсеров, особенно, когда они вошли в состав коалиционного Временного правительства (май 1917 года) непростительна. Именно своим бездействием умеренные социалистические партии давали козыри в руки радикальных левых сил.

Меньшевики подходили к событиям в России с меркой Западной Европы, считая, что время для социалистических преобразований еще не наступило. Ими не учитывалась специфика революционных событий в России. Поэтому они всячески уклонялись от решительных действий, дабы не скомпрометировать себя и социалистическую идею в глазах народа. Следует с сожалением признать, что меньшевики палец о палец не ударили в разрешении даже такой чисто демократической проблемы, какой являлся

многострадальный аграрный вопрос в России.

Гораздо больше шансов на победу имела партия эсеров: ее идеология опиралась на столетиями складывавшиеся представления русского крестьянства о справедливой жизни. Но эсеры также не нашли в себе политической воли для реализации собственной программы, и тем самым фактически добровольно отдавали массы большевикам. Большевики же, не отказываясь от общесоциалистического идеала, взяли на вооружение некоторые актуальные положения программы эсеров: например, решение аграрного вопроса, проблему федеративного устройства России.

Поэтому становится очевидным, что такое бездействие коалиционного Временного правительства в составе кадетов, меньшевиков и эсеров в обстановке того времени неминуемо вело к широкому применению прямого революционного действия: явочным путем был введен восьмичасовой рабочий день (против 10,5 часов ранее), рабочие добивались права участвовать в управлении предприятиями, крестьяне захватывали помещичьи земли, резко возросло дезертирство в армии, особенно после очередного провала наступления на фронте в июне 1917 года.

Временное правительство переживало кризис за кризисом, состав его перетасовывался и перетряхивался, но гибельная политика бездействия продолжалась.

К лету 1917 года ведущее положение и влияние партий меньшевиков в Советах утрачивается, ведь они так и не смогли предложить массам сколь-нибудь привлекательной дальнейшей программы, кроме требования закрепления свободы. В то же время менее быстро, но неуклонно нарастало влияние большевистской партии.

После неудачной попытки установления военной диктатуры* (август 1917 года), события нарастали с катастрофической скоростью. Происходит резкое «полевение» масс.

К осени ситуация в стране крайне обострилась и практически вышла из-под контроля.

*Генералитет и партия кадетов в августе 1917 года подготовили правый переворот, во главе которого встал генерал Л.Корнилов. Тогда большевистская «Красная гвардия» сыграла решающую роль в защите революции.

ОКТЯБРЬ 17-ГО: ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА.

Осенью 1917 года в России всё явственнее ощущались симптомы хозяйственной разрухи.

Промышленность находилась в тяжелом положении. За 1917 год её валовая продукция сократилась по сравнению только с 1916-м годом на 36,5 процентов. С марта по август 1917 года по разным причинам было закрыто 568 предприятий, на которых работало 104,3 тыс. рабочих. В стране невероятными темпами росла дороговизна. Если 1913 год принять за 100 процентов, то в 1916/1917 хозяйственном году средние цены достигали 248 процентов. Вследствие этого реальная заработная плата рабочих упала до 57,4 процентов.

Не лучше было положение и в аграрном секторе. В крестьянской стране, каковой была Россия, мобилизация очень больно ударила по деревне. При преобладании живой рабочей силы, уход миллионов здоровых мужчин в армию привел к сокращению посевных площадей приблизительно на 20 процентов по сравнению с 1915 годом. В результате снизился валовой сбор всех хлебов и картофеля, исчислявшийся в 1909-1913 гг. в среднем в 7 млрд. пудов, до 5,1 млрд. в 1916 г.

Россия стояла перед реальной угрозой продовольственного кризиса. И это в богатейшей хлебом стране! В своих мемуарах А.И.Деникин, характеризуя катастрофическое положение с продовольствием осенью 1917 года, помимо объективных причин (отвлечение рабочих рук на фронт и, как результат, сокращение посевных площадей), называет и некомпетентную экономическую политику Временного правительства, приведшую к обесценению рубля и непомерному вздорожанию предметов первой необходимости. А бывший министр земледелия царского правительства А.Наумов в своей книге, изданной в эмиграции в 50-х гг. так описывал продовольственное положение России: «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны. Процветает спекуляция хлебом, взяточничество; комиссионеры, поставляющие зерно, наживают состояние не отходя от телефона» [27, с.1-2].

Описанные экономические трудности могут показаться среднестатистическому гражданину Украины или России, живущему в наши времена, всего лишь «цветочками», но в октябре 1917 года они оказались мощным катализатором вызревания плода под названием «революция».

Страна и общество разваливались. Известный британский фантаст и мыслитель Г.Уэллс писал: «В конце 1917 года Россия пережила такой всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система нашего времени. Когда правительство Керенского не заключило мира и британский военно-морской флот не облегчил положения на Балтике, развалившаяся русская армия сорвалась с линии фронта и хлынула обратно в Россию - лавина вооруженных крестьян, возвращавшихся домой без надежд, без продовольствия, без всякой дисциплины. Это было время разгрома, время

полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Во многих местах вспыхнули крестьянские восстания. Поджоги усадеб часто сопровождались жестокой расправой с помещиками. Это был вызванный отчаянием взрыв самых темных сил человеческой природы, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии» [27, с.1-2].

Таким образом, осенью 1917 года все более нарастал лавинообразный распад общества и Россия как корабль без руля и ветрил болталась на волнах. А вот свидетельство очевидца, американского журналиста Джона Рида специально приехавшего в Россию, чтобы все увидеть своими глазами. В знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир» он писал: «Наступала зима, страшная, русская зима...На фронтах замерзали и умирали несчастные армии...»

Трагический счёт войны продолжался: к 6 миллионам убитых, раненых, искалеченных и пленных за время демократического периода (февраль - октябрь 1917 г.) добавился еще миллион подобных жертв войны. Значит, первый животрепещущий вопрос, который необходимо было разрешить - это вопрос о выходе России из войны.

Второй вопрос – это вопрос о земле. Надвигающаяся экономическая катастрофа и реальная перспектива голода настоятельно требовали провести в интересах крестьян аграрную реформу за счёт помещиков, или хотя бы поставить этот вопрос в повестку дня.

Всё это были вопросы жизни и смерти миллионов людей, вопросы существования России, как государства. Перспектива бешеного, безумного и беспощадного стихийного взрыва становилась все более реальной. Остро ощущал эту опасность и Ленина: «Волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы», - писал он, - и тогда голодные разнесут все, разможат все...» [3, с. 413].

В такой сложнейшей ситуации Временному правительству крайне необходимо было проявить политическую волю и решимость. Однако, коалиционное Временное правительство во главе с эсером А.Ф. Керенским не предпринимало никаких шагов в разрешении насущных животрепещущих вопросов. Словно глубокий паралич сковал власть. Временное правительство постоянно откладывало решение этих болезненных вопросов до Учредительного Собрания, а его созыв – после победоносного окончания войны. Поэтому Временное правительство лавировало, искало консенсуса между противоборствующими силами, пытаясь стать выше всех противоречий.

Необходимо было спасти Россию от окончательного краха. Какие же партии могли взять на себя ответственность за судьбы страны? Как уже указывалось, представители буржуазных и либеральных партий (кадеты и октябристы), а также меньшевики и эсеры, входившие в состав Временного правительства, не смогли предоставить народным массам сколь-нибудь привлекательной программы действий, кроме требования закрепления свободы. И если ещё в августе меньшевики вели за собой большинство

Советов страны и имели солидные фракции в городских Думах, то после разгрома корниловского мятежа (попытки установить правую военную диктатуру), к концу августа меньшевики утрачивают свое влияние в Советах. Трудящиеся массы окончательно разуверились в коалиционной политике меньшевиков с буржуазными и либерально-буржуазными партиями, входившими во Временное правительство и прежде всего, с кадетами [11, с.42-54].

Такая идея коалиции навсегда теряет свою популярность, а меньшевистские организации переживают кризис. Уже 30-31 августа 1917 года Петроградский и Московский Советы отвергают меньшевистскую резолюцию о власти и принимают большевистскую резолюцию, а 5 сентября такую резолюцию принимает Горловский Совет рабочих депутатов. Таким образом, происходит резкое «полевение» масс и начинается целая полоса так называемой «большевизации» Советов.

В сложившейся ситуации именно большевистская партия, больше, чем всякая другая партия проявила «волю к власти». По мнению правого эсера В. Чернова, в то время как все другие партии или думали, что их время еще не пришло, или спорили, с кем им бы разделить ответственность за Россию, одни только большевики не колебались говорили: «Да, мы стремимся к власти...» [19, с. 82-83].

Именно партия большевиков выдвигает три ясных и конкретных лозунга: «Власть Советам!», «Земля крестьянам!», «Мир народам!». И это были не демагогические лозунги, с целью привлечь широкие массы народа в своих узкокорыстных целях. По сути В.И. Ленин предложил крестьянству в ходе пролетарской революции решить для себя задачи антифеодальной, буржуазной революции, т.е. покончить с помещичьим землевладением, на что не пошел царизм ни в 1861 году, ни в годы столыпинских реформ и на что не могло решиться Временное правительство. Суть «Декрета о земле» предельно ясна: «Помещичья собственность на землю отменяет немедленно без всякого выкупа». Более того, в основе этого декрета лежал «Крестьянский наказ о земле», включавший в себя 242 наказа местных Советов крестьянских депутатов.

А требование прекращения войны и заключения немедленного мира? Разве это требование было выдвинуто из демагогических соображений? Да оно, это требование мира буквально висело в воздухе, и весь 1917 год только об этом и шла речь. И та простота, с которой большевики разрубили весь этот узел противоречий, и обеспечила им поддержку.

Подведём итоги. Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать однозначный вывод, что к революции Россию привел глубочайший общенациональный системный кризис.

Можно ли было предотвратить революцию? Теоретически можно предотвратить любую революцию. Но для этого правящий режим должен пойти на определенное самоограничение, провести реформы, которые сняли бы социальное напряжение, сопутствующее назревающей революции. Но в силу одряхления, отсутствия политической воли и неспособности к

созидательной работе ни правительство императорской России, ни Временное правительство не нашли в себе сил для проведения таких жизненно необходимых преобразований. И такое бездействие совершенно, закономерным образом привело Временное правительство к октябрьскому финалу: лавинообразное нарастание событий требовало немедленных действий.

Ведь в основе революционного движения - гигантские стихийные процессы: накопление злобы, классовой ненависти, отчаяния. Как утверждал известный историк Владлен Логинов, эта страшная гигантская стихия могла либо радикально изменить общество и, организовавшись по призыву большевиков, сделать социалистический выбор, либо быть остановленной посредством военной диктатуры, которая была бы по аргументированному утверждению историка, не менее, если не более кровавой [13, с. 90].

И если подходящий момент для реформ упущен, если своевременно не были предприняты жизненно важные шаги для выхода из кризиса, или эти шаги носили половинчатый характер, то рано или поздно наступает такой час, когда реформистский путь становится, уже невозможен, происходит взрыв. Таким образом, и Февральская и Октябрьская революции в России подтвердили вывод, сделанный ещё во время Великой французской революции: «Истинными творцами революций являются те, кого они свергают» [28. с.7].

Можно утверждать, что большевики показали глубокое видение момента, умение принимать гибкие и смелые решения и, таким образом, спасли Россию от окончательного краха. По словам Н.Бердяева, которого трудно заподозрить в симпатии к большевикам, «Ленин остановил хаотический распад России» [25, с. 7].

А современным критикам Великого Октября желательно бы было понять, что история складывается не так, как кому - то хочется, ибо история - это не магистральный проспект, она многовариантна, сложна и противоречива и ее нельзя упрощать. Особенно при анализе такого эпохального события, как Великая Октябрьская социалистическая революция.

ЛИТЕРАТУРА

РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

1. Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии.- Полн. собр. соч. Т.12, с.305-306.
2. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года.- Полн. собр. соч.Т.30, с.328.
3. Ленин В.И. Письмо к товарищам.- Полн. собр. соч.Т.34, с.413.

МОНОГРАФИИ

4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.- Москва,1990.
5. Березов П.И. Свержение двуглавого орла.- Москва, 1967.
6. Карр Э. История Советской России.-кн.1.-Москва, 1990.
7. Литвак Б.Г.Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась Реформаторская альтернатива.- Москва, 1991.
8. Сорокин П. Дальняя дорога.- Москва, 1992.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ (ЖУРНАЛЫ)

9. Боханов А. Николай II Романов // Свободная мысль, 1992, №11.
10. Иоффе Г.З. Февральская революция.Крушение царизма. //Вопросы истории КПСС.-1990, №10.
11. Иоффе Г.З. Корниловский путч и раскол революционной демократии // Вопросы истории КПСС.-1991, №8.
12. ИскандеровА.А. Российская монархия; реформы и революция // Вопросы истории.-1993, №3.
13. Логинов В., Сазонов В. Нужно ли было идти от Февраля к Октябрю? //Диалог.-1991,№2.
14. Миллер В.1917-й: взлёт и падение меньшевиков.- // Свободная мысль.- 1995, № 10.
15. Сахаров А. Тяжкий путь российского реформаторства.// Свободная мысль.-1995,№7.
16. Степанов А. Россия в первой мировой войне.-//Свободная мысль.- 1994.№9.
- 17.Харитонов В. Февральская революция в России //Вопросы истории.- 1993.№11-12.
18. Шелухаев В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории.-1993,№8.
19. Ярцев Б. Чернов, эсеры и большевистский режим //Свободная мысль.- 1994, №5.

МЕМУАРЫ

20. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. - Москва, 1989.
- 21.Родзянко М.В. Крушение империи.- Москва,1992.
22. Шаляпин Ф.И.Маска и душа. Мои сорок лет на театрах.- Санкт-

Петербург, 2010.

23. Шульгин В. Дни 1920.- Москва,1990.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ (ГАЗЕТЫ)

24.Зюганов Г.А. Учиться у революции: 95 лет Великому Октябрю.-
//Новая волна.- № 45, 8-15 ноября 2012.

25. Латыш Ю. Порядок из хаоса // Новая волна.- № 27, 5-12 июля 2012.

26. Лисакович В., Листов В. Сценарий по имени жизнь // Правда.- №51,
12 марта 1992.

27. Революция, изменившая мир // Коммунист,2007, №88.

28.Сычев И. Крах самодержавия: исчерпанность проекта // Донецкий
кряж.- № 12, 30 марта-5 апреля 2007.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Время упущенных возможностей
2. Февральский взрыв
3. Феномен двоевластия
4. Октябрь 17-го: грозящая катастрофа